Книга, в которой чего только нет

Флыгин Ю.С. Знаток Востока: жизненный путь и научная деятельность академика Василия Владимировича Бартольда. Ташкент: Toron zamin ziyo, 2016. — 80 с.

DOI: http://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-2-364-370

Не каждому востоковеду повезло с биографией. В данном случае под «биографией» я имею в виду не жизненный путь, а жизнеописание. Так, например, об академике Игнатии Юлиановиче Крачковском написано одно из лучших сочинений в подобном жанре — книга «Невольник долга» А.А. Долининой[13]. А вот современнику Крачковского — также действительному члену Академии наук Василию Владимировичу Бартольду в этом смысле повезло меньше. Нельзя сказать, что биографы совсем обошли вниманием личность этого выдающегося востоковеда. Первая подробная биография В.В. Бартольда, написанная его учеником И.И. Умняковым, появилась еще при жизни ученого[14]. При подготовке своего очерка Умняков был ограничен не только идеологическими рамками, но и тем обстоятельством, что Василий Владимирович категорически не любил славословий в свой адрес.

В 1963–1977 гг. вышло собрание сочинений Бартольда в 9 томах. Но вместо развернутого научно-биографического очерка издание сопровождала лишь короткая биографическая справка[15].

Только через несколько лет после выхода последнего, девятого, тома появилась монография Б.В. Лунина «Жизнь и деятельность академика В.В. Бартольда: Средняя Азия в отечественном востоковедении»[16]. Это было добротное советское исследование, написанное с классовых позиций, в котором автор предпринял попытку (не вполне, впрочем, удачную) выставить Бартольда едва ли не как интуитивного маркси-

13. *Долинина А.А.* Невольник долга: [Биогр. И.Ю. Крачковского]. СПб., 1994.

14. *Умняков В.В.* Бартольд (По поводу 30-летия профессорской деятельности) // Бюллетень САГУ. 1926. Вып. 14. С. 175–202.

15. *Петрушевский И.* Академик В.В. Бартольд (биографическая справка) // *Бартольд В.В.* Сочинения в 9 т. Т. 1. М., 1963. С. 15–21.

16. *Лунин Б.В.* Жизнь и деятельность академика В.В. Бартольда: Средняя Азия в отечественном востоковедении. Ташкент, 1981. См. также: *Лунин Б.В.* Из эпистолярного наследия В.В. Бартольда (письма В.В. Бартольда к Н.П. Остроумову) // Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. 1979.

ста, в своих работах высказавшего созвучные марксистскому учению идеи. С момента издания книги Лунина прошло более 35 лет, но до сих пор не было опубликовано научной биографии Бартольда, свободной от идеологических рамок.

Появление биографического очерка ташкентского историка Ю.С. Флыгина «Знаток Востока: жизненный путь и научная деятельность академика В.В. Бартольда» было встречено мною с воодушевлением. Однако вскоре меня постигло разочарование. Оговорюсь сразу, что было оно связано не столько с самой книгой, сколько с теми ожиданиями, которые имелись у меня в связи с появлением в постсоветском Узбекистане специализированного исследования, посвященного Бартольду.

Строго говоря, текст Ю.С. Флыгина — не о Бартольде. Это книга, в которой жизненный путь ученого рассматривается преимущественно сквозь призму его переписки с представителем миссионерской школы исламоведения Н.П. Остроумовым, хранящейся в Центральном государственном архиве Узбекистана. За пределы этого важного, но, безусловно, далеко не единственного достойного внимания источника Флыгин по непонятным причинам практически не выходит. К концу книги читатель уже может безошибочно воспроизвести номер фонда, описи и дела, содержащего письма Бартольда к Остроумову: ЦГА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 27.

Результатом того, что автор использовал ограниченный круг источников, стало то, что целый ряд важных эпизодов из жизни В.В. Бартольда оказался вне поля зрения его биографа.

Так, например, невозможно понять, почему в книге ни словом не упоминается Туркестанский восточный институт (ТВИ) и восточный факультет Туркестанского (впоследствии — Среднеазиатского) государственного университета, с которыми Бартольд тесно сотрудничал: читал лекции, издавал свои научные и научно-популярные труды. К слову, директором ТВИ, а затем деканом востфака был бывший коллега Бартольда по Санкт-Петербургскому университету, также ученик барона В.Р. Розена Александр Эдуардович Шмидт.

Трудно вообразить себе книгу об ученом без рассказа о его учителях. Но автору каким-то непонятным образом удалось оставить без внимания этот аспект жизни ученого. О бароне В.Р. Розене, без которого, конечно, сложно представить молодого Бартольда, делавшего свои первые шаги в науке, упомянуто вскользь: «В январе 1908 года, в связи со смертью В.Р. Розена, он (т.е. Бартольд. — Р.Б.) пи-

сал, что и Восточный факультет Петербургского университета, и все русское востоковедение понесло невосполнимую потерю, „трудно привыкнуть к мысли, что уже нет того, кто соединял нас всех, без которого трудно даже представить себе дальнейшую жизнь русского ориентализма“» (с. 17). Но кто такой был барон Розен и почему он заслужил такие теплые слова от Бартольда, в книге не сообщается даже в нескольких словах. Кстати, факультет, на котором учился, а затем работал Бартольд, назывался факультетом восточных языков. Чуть больше внимания Флыгиным уделено другому учителю Бартольда — А.Н. Веселовскому.

На страницах работы упоминаются В.А. Жуковский, Н.Я. Марр и другие выдающиеся исследователи Востока, но их появление в работе Флыгина случайно и мало что добавляет как к биографии самого Бартольда, так и к истории российского востоковедения. Исключение составляет разве что рассматриваемая в книге полемика между Бартольдом и туркестанским ориенталистом В.Л. Вяткиным, происходившая на страницах «Туркестанских ведомостей».

Тема эта интересна в контексте постколониальных исследований. Бартольд, подобно своему учителю Розену, считал, что ученые из регионов должны сосредоточиться преимущественно на собирании и обработке научного материала. Что касается исследователей из крупных научных центров (прежде всего Петербурга), то в их задачи, по представлению Бартольда, входило детальное изучение и анализ собранного материала. Такое видение ставило большую часть ученых из провинции, не имевших зачастую систематического востоковедного образования, в положение подмастерьев маститых столичных ученых. Не каждый готов был смириться с подобным «разделением труда», о чем свидетельствует не только полемика Бартольда с Вяткиным, но и опыт упоминавшегося выше А.Э. Шмидта. Последнему приходилось выстраивать на базе Туркестанского восточного института востоковедный вуз европейского уровня с опорой исключительно на местные кадры, имевшие зачастую совершенно иное представление о том, как нужно изучать Восток.

Одним из таких «местных ученых» был другой персонаж книги, которому автор щедро уделил почти три страницы — башкирский исследователь и политик Заки Валиди. Автор не скрывает своего негативного отношения к этому деятелю башкирского национального движения, характеризуя его как лицо, для которого не составляет труда сменить свою политическую ориентацию (с. 39).

В конце 1917 г. Валиди привез в голодающий Петроград несколько вагонов с продовольствием. По его поручению солдаты-башкиры отправились на квартиры к ведущим петроградским востоковедам: И.Ю. Крачковскому, В.В. Бартольду, А.Н. Самойловичу и др. Сам Валиди пишет об этом в своих «Воспоминаниях»[17].

Но Флыгин высказывает сомнение, что подобная гуманитарная акция имела место, основываясь на том, что в письмах Бартольда к Остроумову о передаче продуктов ничего не говорится (с. 39). Между тем существует источник, подтверждающий слова Валиди, — мемуары Веры Александровны Крачковской. В деталях здесь описана сцена появления солдата-башкира на квартире академика Крачковского, а также упоминается об аналогичном визите посланцев Валиди к другим востоковедам[18]. Таким образом, пытаясь поймать нелюбимого им исторического деятеля на лжи, автор сам загоняет себя в угол.

Но если вышеприведенную неточность можно объяснить недостатком источников, то едва ли что-то, кроме ангажированности, лежит в основе своеобразного взгляда Флыгина на отношение Бартольда к миссионерскому востоковедению.

Выше мы упоминали о том, что Б.В. Лунин пытался представить Бартольда как человека, приблизившегося к пониманию истин марксизма-ленинизма. С не меньшим усердием Флыгин стремится подчеркнуть несправедливость сдержанно-критического отношения Бартольда к православным миссионерам казанской школы. И если Лунин добросовестно пытался найти в работах Василия Владимировича идеи, созвучные принципам марксизма-ленинизма, то Флыгин не считает нужным хоть как-то обосновать свою позицию.

Сначала автор приводит несколько цитат из писем Бартольда, из которых вполне отчетливо видна точка зрения ученого на миссионерское востоковедение. По мнению Бар-

17. «Для помощи нашим войскам я привез несколько вагонов продовольствия. Петроград голодал. Все с жадностью взирают на вагоны, заполненные мясом и маслом. Жену и сына моего старого друга профессора Самойловича арестовали, когда они везли из соседней губернии мешок картошки, и заперли в подвал Николаевского вокзала. Я помог им освободиться, дал мяса и масла. Выделили масла, мяса и сахар семьям других известных востоковедов — Бартольда, арабиста Крачковского, монголоведа Владимирцова, ираниста Розенберга и некоторых других…» (*Валиди А.-З.* Воспоминания. Кн. 1. Уфа, 1994. С. 318).

18. *Крачковская В.А.* Memoires (1912–1923) // СПФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 7. Д. 26. Л. 63–64.

тольда, у представителей миссионерской школы «объективный научный исследователь отходит на второй план по сравнению с миссионером и полемистом» (с. 46). Но Флыгин решительно не согласен с Василием Владимировичем: «В любом случае трудно согласиться с чрезмерно скромной оценкой Бартольдом научного вклада деятелей Русской Церкви в востоковедение, особенно в отношении Н. Ильминского, православной миссии в Пекине, других примеров. Надо бы им всем "отвести несколько больше места" и внимания» (с. 46). Возможно, и в самом деле Бартольд был неправ и не смог в силу узости своего кругозора или по какой-то другой причине в должной мере оценить вклад миссионеров в русское востоковедение, но почему тогда автор не приводит ни одного аргумента в защиту своего тезиса?

И уж коль скоро автор заводит речь об оценке Бартольдом миссионерской школы, то было бы вполне уместно всесторонне рассмотреть его отношение к научной деятельности Н.П. Остроумова, не ограничиваясь письмами Василия Владимировича к последнему. Но ничего этого в книге нет.

Между тем история отношений представителей академического исламоведения с казанскими миссионерами, изучавшими ислам, представляет большой интерес для исследователя. Миссионерская школа зародилась во второй половине XIX в. в стенах Казанской духовной академии. Ее наиболее видными представителями являются: Н.И. Ильминский (1822–1891) — создатель миссионерско-просветительской системы, названной его именем, и алфавита для крещеных татар на основе кириллицы; Е.А. Малов — автор многочисленных сочинений, посвященных исламу и мусульманам; Г.С. Саблуков (1804–1880), перу которого принадлежит один из лучших переводов Корана на русский язык; М.А. Машанов (1852–1924), писавший работы по истории ислама, в том числе многотомный неопубликованный труд «Ислам среди народов Восточной России»; и уже хорошо известный нам Н.П. Остроумов, внесший значительный вклад в изучение истории и быта мусульманских народов Средней Азии.

О том, что отношение самого барона В.Р. Розена к миссионерам было далеко не однозначным, писал в свое время советский и немецкий исследователь М.А. Батунский. Одобряя намерения казанских миссионеров как соответствующие интересам государства, Розен критиковал их методологию, считая представителей данной школы недостаточно компетентными для осу-

ществления возложенной ими на себя задачи[19].

В свою очередь миссионеры считали выпускников Санкт-Петербургского университета и Лазаревского института профнепригодными для работы на азиатских окраинах, «потому что они изучают литературу, историю и этнографию азиатских народов *объективно* и переносят на них свое сочувствие»[20].

Отношение учеников В.Р. Розена к миссионерской школе было уже несколько иным. Это тема отдельного исследования, отметим лишь, что критическое восприятие В.В. Бартольдом миссионерской школы исламоведения было во многом обусловлено одной чертой в характере Василия Владимировича, на которую указывал в том числе и М.А. Батунский: для Бартольда было неприемлемо выставление исследователем напоказ своих «ценностных параметров»[21]. Неслучайно в статье «От редакции», открывавшей первый выпуск редактируемого Бартольдом журнала «Мир ислама», было отмечено, что в программе данного издания исключается как «проведение мусульманских тенденций», так и «миссионерская полемика против ислама»[22].

Все это, впрочем, не мешало представителям академического исламоведения (в том числе и Бартольду, о чем свидетельствует рецензируемая книга) поддерживать рабочие отношения с учеными-миссионерами. Так, упоминавшийся выше А.Э. Шмидт, будучи уже директором Туркестанского восточного института в Ташкенте, пытался привлечь для преподавания в этом вузе Н.П. Остроумова, но эта инициатива не встретила понимания у властей.

Остается только выразить сожаление, что Ю.С. Флыгин на примере взаимодействия В.В. Бартольда и Н.П. Остроумова не стал рассматривать те непростые отношения, которые существовали между академическим и миссионерским исламоведением в России XIX — начала XX в.

Можно было бы привести еще ряд моментов, которые хотелось бы увидеть в работе Флыгина и которых в ней нет. Остается только посетовать, что автор

19. Подробнее об этом см.: *Батунский М.А.* Россия и ислам: [В 3 т.]. М., 2003. Т. 3. С. 45–51.

20. Письма Николая Ивановича Ильминского к обер-прокурору Святейшего Синода Константину Петровичу Победоносцеву. Казань, 1895. С. 117.

21. *Батунский М.А.* Россия и ислам: [В 3 т.]. М., 2003. Т. 3. С. 131.

22. *Бартольд В.В.* От редакции // Мир ислама. 1912. Т. 1. Вып 1. С. 3. Отметим здесь, что в книге Ю.С. Флыгина журналу «Мир ислама», игравшему огромную роль в научной биографии Бартольда, уделено всего несколько строк.

поторопился издать книгу в том виде, в котором она попала к читателю, и создал лишний повод вспомнить содержание дискуссии между Бартольдом и Вяткиным, имевшей место сто с лишним лет назад.

Ренат Беккин